

Дмитрий Карасюк

**«Наутилус Помпилиус»
Мы вошли в эту воду однажды**

Леонид Порохня

**Илюша
(Книжка про Кормильцева)**

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 785(470)
ББК 85.318(2)6
К21

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Карасюк, Дмитрий.

К21 «Наутилус Помпилиус». Мы вошли в эту воду однажды / Д. Карасюк, Л. Порохня. — Москва : Издательство АСТ : Кладезь, 2018. — 256 с. : ил. — (Легенды русского рока).

ISBN 978-5-17-092539-1

В очередную книгу серии «Легенды русского рока» вошли не издававшаяся ранее мемуарная повесть Леонида Порохни о поэте, авторе текстов многих российских рок-групп Илье Кормильцеве, а также история знаменитой группы «Наутилус Помпилиус», написанная Дмитрием Карасюком.

УДК 785(470)
ББК 85.318(2)6

ISBN 978-5-17-092539-1

© ООО «Издательство АСТ», 2018
© Д. Карасюк, «Наутилус Помпилиус»
Мы вошли в эту воду однажды», 2017
© Л. Порохня, «Илюша
(Книжка о Кормильцеве)», 2017

Дмитрий Карасюк

«НАУТИЛУС ПОМПИЛИУС»

Мы вошли в эту воду однажды

РОК-ГРУППА
«НАУ»

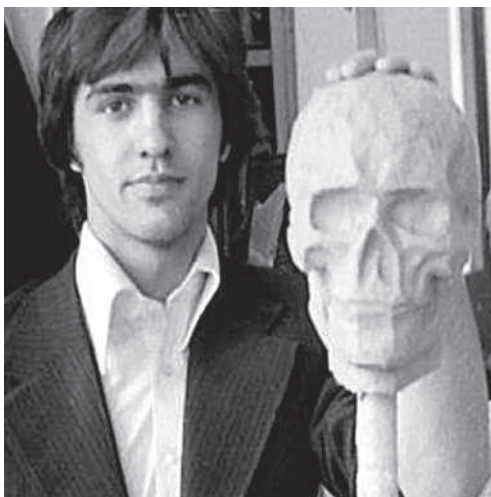
*«Это одна и та же группа в разных составах.
Суть музыки оставалась единой».*
Вячеслав Бутусов

■ 1

Почему десятиклассник из Сургута Слава Бутусов в 1978 году поступил в Свердловский архитектурный институт, он сам спустя десять лет рассказал в фильме «Серп и гитара»: «Мой дед-крестьянин хотел, чтобы его сын стал инженером, он считал, что это ступень вверх. Дед завещал, чтобы его внук, то есть я, шагнул еще вверх, то есть стал архитектором. Поэтому меня папа после последнего звонка взял тепленьким и отвез в Свердловск в архитектурный институт, где я сдал экзамены».

Молодое на тот момент учебное заведение обладало яркой музыкальной историей. Музыкальные группы появились в САИ еще до его официального образования. Несколько лет он существовал как филиал Московского архитектурного института и только в 1972 году стал самостоятельным вузом. Новорожденный САИ с пеленок стал претендовать на звание самого творческого института города. Арх был местом, где идеи просто летали в воздухе. Театральные и кинопремьеры обсуждались, все казалось важным. «Комсомольские вожаки были молодые, а взрослое руководство института состояло в основном из участников войны. Они были абсолютно независимы, и им было насрать на решения КПСС.

Вячеслав Бутусов в студенчестве,
1970-е годы

То есть формально они им подчинялись, вывешивали всякие лозунги, но в душе они были независимы, и от этого пошла независимость всего Арха», — считает выпускник института Олег Ракович.

Во множестве газетных публикаций описана трогательная история возникновения группы «Наутилус Помпилиус»: в 1978 году познакомились на студенческой картошке два первокурсника, Бутусов и Умецкий, и решили создать лучшую в стране рок-группу. На самом деле познакомиться-то они познакомились, но не более того. Знали друг друга по именам, собирали корнеплоды в соседних бороздах в селе Мамино, как еще десятки студентов-архитекторов. Дима Умецкий близко сошелся совсем с другим парнем — Игорем Гончаровым.

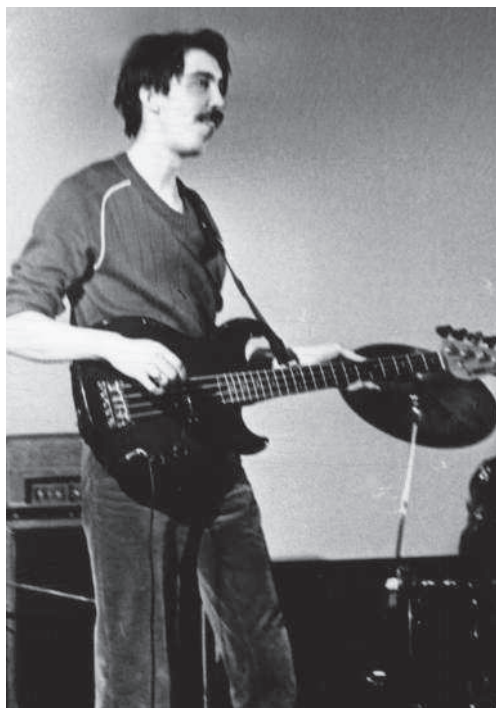
К моменту поступления в Арх Игорь Гончаров был уже опытным музыкантом, он часто играл на ударных на танцплощадках родного Челябинска. Свердловчанин Умецкий тоже имел исполнительский багаж: «Я играл в школьном ансамбле на барабанах. Установка была «фирменная» — без бочки, один рабочий барабан с порванным пла-

стиком, тарелка в виде топора, такая загнутая, долбанешь по ней палкой — палка сразу на две половины». Вот этой-то парочке вдруг и ударило в башню — поиграть вместе.

Прямо в колхозе два барабанщика начали делить виртуальные инструменты. Барабаны отвоевал опытный Гончаров, а Диме достался бас: «Сразу после собирания картошки я стал себе гитару выпиливать электрическую. Купил в "Юном технике" запчасти от "Тоники", сделал полено и начал его терзать».

Слава Бутусов учился в соседней группе. Он сам неплохо играл на гитаре, но поначалу предпочитал заниматься музыкой индивидуально. Его одно-

Дмитрий Умецкий
Фото Дмитрия Константинова

курсник Александр Коротич вспоминает, как увидел Славу в первый раз: «В общаге на полу сидел очень худой парень с длинной челкой и тренькал на гитаре что-то из "Led Zepelin", явно вообразая себя и Плантом, и Пейджем одновременно».

На общей музыкальной почве Бутусов, Умецкий и Гончаров сошлись только на втором курсе. С инструментами помог стройотряд, бойцами которого были будущие рок-звезды, — за 900 рублей купил барабаны и усилители «Эско». Молодежь хотела репетировать в студенческом клубе, но там базировался авторитетный «Змей Горыныч Бэнд». Гончаров договорился о репетиционном помещении в новом общежитии Арха на Восточной, 11. «Всю зиму играли в общаге нечто вроде "кримсонов", — вспоминал Умецкий, — хотя, честно говоря, "кримсонами" тут и не пахло. Все это шло еще от одного нашего тогдашнего соучастника, гитариста Сергея Бабушкина, человека явно маниакального склада, рехнувшегося в свое время на "битлах". А кончилось все это тем, что пришли из комитета комсомола и послали нас всех подальше: нечего, мол, ребята, гнать вам эту лажу». Квартет переехал в детский садик, где Бабушкин работал сторожем, и продолжил репетировать там. На пианино стал иногда подыгрывать еще один однокурсник, Виктор «Пифа» Комаров. Музыцирование шло пока на сугубо любительском уровне.

Что-то изменилось в июне 1981 года, когда прошел городской рок-фестиваль на приз САИ. К нему усиленно готовились лучшие группы Свердловска. Одну из них — бездомного «Урфина Джюса» Александра Пантыкина — приютил клуб САИ. Открытые по случаю наступившего лета окна клуба выходили прямо на «сачкодром», тра-

Виктор «Пифа» Комаров, 1979 год
Фото Олега Раковича

Корреспондент стенгазеты «Архитектор» В. Бутусов
Фото Олега Раковича

диционное место арховских курильщиков и прогульчиков, которые с замиранием сердца внимали музыке «УД». Среди прочих наслаждался ею и третьекурсник Слава Бутусов: «Мы отчетливо слышали, какой там "рубинштейн" происходил: страшные рифы и совершенно фантастический голос. Я не представлял, как выглядит этот великий и ужасный Пантыкин... Мы просто стояли в благоговейном ужасе и предвкушали...»

Бутусов входил в редколлегию стенгазеты «Архитектор», а это издание являлось одной из движущих сил фестиваля. Увиденное 6 июня в ДК «Автомобилист» произвело на Славу и Диму сильное впечатление. Умецкого особенно поразил «Трек»: «Мы поняли, что если так могут петь люди, живущие на соседних улицах, то, значит, и мы способны на что-то подобное. Это было событие, которое перевернуло нашу жизнь». Славе добавили эмоций и два интервью, которые он взял для «Архитектора» у фестивальных героев — Саши Пантыкина и Насти Полевой. «Слава сразу нарисовал дружеский шарж, — вспо-

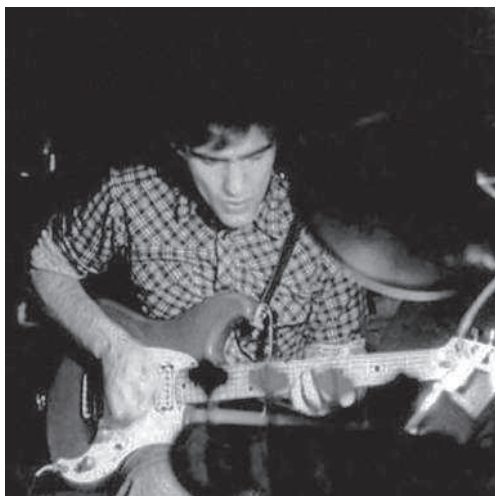
минает Настя. — Рассказал, что у него тоже есть группа, что они собираются выступать. Мы подружились».

Чувство, что они сами смогут стать не хуже всех этих «урфинов» и «треков», придало студентам новый импульс. Начались попытки сотрудничества с профессиональными музыкантами. Обратились к гитаристу Евгению Писаку: «Слава с Димой любили "Led Zeppelin" и хотели вложить их энергетику в свою музыку, подав ее по-своему. Они предложили мне быть их лидер-гитаристом. Слава жил от меня через двор, и мы целыми вечерами сидели у меня, что-то придумывали. Мы не могли двигаться дальше из-за барабанщика. Попробовали одну вещь, другую — не идет. Попытались сыграть медленную — вроде получилось, но нельзя же всю программу строить только из медляков... Я заявил, что нам нужен другой ударник, более ритмичный, собранный, но для них на тот момент дружба была сильнее музыки».

Осенью 1982-го Бутусов — Умецкий — Гончаров с примкнувшим к ним гитаристом-однокурсником Андреем Садновым решили записать собственные сочинения. Семь песен, зафиксированные на пленку Андреем Макаровым, позже разошлись по городу под названием «Али-Баба и сорок разбойников».

Бутусовское пение тогда мало походило на голос, от которого пять лет спустя зарыдают миллионы поклонниц. В 1982-м Слава орал так, что аж жилы на шее набухали. Безымянная пока еще группа пыталась прорваться в студенческий клуб САИ, в котором в то время хозяйничал «Змей Горыныч бэнд», исполнявший каверы «Led Zeppelin» очень близко к оригиналу, но женским голосом. Во время бутусовской распевки музыканты «ЗГБ» в ужасе выскочили в коридор, зажимая уши: «Ох уж эта молодежь! Господи, кто идет нам на смену!» Будущих «наутилусов» в клуб так и не пустили, репетировать им пришлось в общежитии, где и были записаны их первые семь песен.

Компиляция из наивных хардешников и баллад вряд ли сумела бы заинтересовать хоть кого-то, но арховцы нашли верный путь к самому сердцу свердловской рок-тусовки. Слава с Димой смогли обаять Пантыкина, а тот оказался замечательным промоутером и познакомил с их дебютной записью всех-всех-всех. Отзывы были сдержанные. Но двух парней (одного с пронзительным голосом, а второго с усами) потихоньку стали считать своими.

Писатель Андрей Матвеев через три года после знакомства с этой пленкой вспоминал: «Первый их альбом был не более чем ощущением того, что придет время и ребята эти смогут вмотить! Сам я, по крайней мере, на них поставил уже тогда и если о чем жалею, так о том, что не "скупил акции" группы на корню... Высокий, чувственный, полный какой-то потерянности голос Бутусова,

инструментальная постхардовская каша с элементами харда, сюрреалистические тексты, которые можно назвать и роскошными, и марзматичными, в общем, все это показалось более чем просто интересным. Вот только услышали это немногие, хотя один хит из альбома потащил за собой всех приличных рокеров, я не помню его названия, помню лишь строчки из него: "Где ты, птица, птица-пингвиница, на каком пустынном берегу?" Это и блестящая пародия на советские любовные шлягеры, и изумительный вариант абсурдистских текстовых игр в роке». Сами создатели остались не очень довольны своим первенцем. «Мы его забекарили сами и лучшие вещи просто объединили со вторым альбомом», — рассказывал Умецкий.

■ 2

1983 год стал для группы по-настоящему стартовым. В апреле рок-общественность Свердловска собралась на очередной загородный рок-семинар, проводившийся горкомом комсомола, или, как называл это мероприятие циничный Матвеев, «пьяную вылазку на базы». Ветеранский состав разбавили новичками, в том числе и ребятами из команды, которая получила название «Наутилус» всего несколько дней назад.

Коллективы, приглашенные на семинар, должны были регистрироваться. Студентам-архитекторам пришлось срочно придумывать имя. Вариант «Али-Баба и сорок разбойников», предложенный Бутусовым,

никому не понравился, хотя задним числом и закрепился за их прошлогодней записью. Звуко-режиссер Андрей Макаров, бывший, как и все арховцы, фанатом «Led Zeppelin», предложил название «Наутилус», объяснив его так: «Тот же дирижабль, только подводный». Такая глубинная аналогия всем понравилась. Правда, на семинар от свежее-крещенной группы смогли поехать не все.

Александр Пантыкин, 1983 год

Автобус с рокерами притормозил у здания архитектурного института. На тротуаре зябко поеживались фигуры в кепочках. Неформальный лидер свердловской рок-общественности Николай Грахов, уже знакомый с этой парочкой, представил ее: «Это хорошие молодые ребята, тоже рок играют. Давайте их с собой возьмем». Гитарист «Урфина Джюса» Егор Белкин, глянув в окно на волосатых сиротинушек, покровительственным тоном махра согласился: «Почему бы и нет! Ребята вроде нормальные». Дверь автобуса открыли, и в высокое собрание втиснулись Слава Бутусов и Дима Умецкий.

По дороге на семинар Бутусов сидел в автобусе рядом с Коротичем: «Слава рассказал мне, что хочет записывать альбом. Я отнесся к этому несерьезно — ну Слава, ну альбом... Потом он признался, что мечтает посотрудничать с поэтом "Урфина Джюса" Ильей Кормильцевым. Я всю дорогу отговаривал его от этой мысли: "Зачем тебе этот Кормильцев, лучше пиши стихи сам, или давай найдем нормального поэта, или давай я стихи напишу..." Слава богу, упрямый Слава не поддался на мои уговоры».

Приехав на место, начали праздновать. Возлияния были бурные. Слава с Димой встали в дверях лекционного зала с бутылкой порвейна и не пропускали никого внутрь без штрафной. Благодаря такой пропускной системе, о чем читали лекции на семинаре, — никто не помнит. Для пропаганды здорового образа жизни программу дополнили футбольным турниром. Рокеры весело погоняли мяч и верну-

Андрей Саднов, Вячеслав Бутусов, Александр Зарубин, Александр Пантыкин, 1983 год

лись за столы. Те, кто смог доползти до сцены, устроили сумасшедший джем-сейшн.

Бутусов с Умецким, побывав на загородном рок-семинаре, влились в семью свердловских рокеров. Вскоре после этого состав группы изменился: появился барабанщик Александр Зарубин. В клубе Арха приступили к репетициям новых вещей. Музыку и часть текстов написал Бутусов, а остальные он почерпнул из сборника венгерской поэзии. «Книжка к нам попала случайно, — рассказывал Умецкий. — Просто открыли, смотрим, а там так здорово, у них такие роковые тексты. Эту антологию можно шелушить и шелушить».

Когда в клубе на первом этаже института репетировал «Наутилус», шедевры венгерской поэзии легко можно было разобрать под самой крышей здания. Как-то преподаватель марксистско-ленинской эстетики Олег Петров спросил Бутусова: «Слава, зачем вы так кричите?» — «Я так вижу!» — «Это я понимаю. А кричите-то вы зачем?» После таких вопросов Славина манера пения стала несколько сдержаннее.

Летом клуб архитектурного института превратился в студию. Для второй записи «Наутилус» пригласил мэтров. «Трековец» Александр «Полковник» Гноевых взялся отвечать за звук, а «джюсовец» Александр Пантыкин — за весь процесс целиком. Оба мэтра дали согласие. Однокурсник и друг Бутусова Ильдар Зиганшин, снимавший весь процесс записи на фото пленку, считает второе кадровое решение ошибочным: «У них были абсолютно разные взгляды. Если арховцы любую придурь в хорошем смысле слова воспринимали как должное, то Пантыкин, казалось, даже классическую музыку принимал только самую правильную. Саша — человек четко структурированный. За рамками устоявшихся музыкальных схем для него как будто ничего не существовало. И было бесполезно распечатывать перед ним все консервы, наполненные Славинскими идеями. У них со Славой не совпадали вектора. И до сих пор невозможно разобраться, что же в результате этого несовпадения получилось».

Со стороны Полковника запись «Наутилуса» была просто дружеской помощью. Он не хотел погружаться в этот процесс с такой же самоотдачей, как в запись «Трека», да ему и не дали бы. Например, у «наутилусов» вместо барабанов был какой-то кошмар, произведенный в городе Энгельсе. Чтобы добиться хотя бы мало-мальски приемлемого звучания, на настройку ушло бы много дней. «Наутилусы» просто скисли бы, погружаясь во все эти технические подробности. Полковнику приходилось выбирать между собственными амбициями — записать как можно лучше — и тем, чтобы вообще это записать: «Я считаю, что на "Переезде" нет ни одной качественно записанной песни. Моя б воля, я бы подолгу возился с гитарным звуком, со звучанием баса, с настройкой

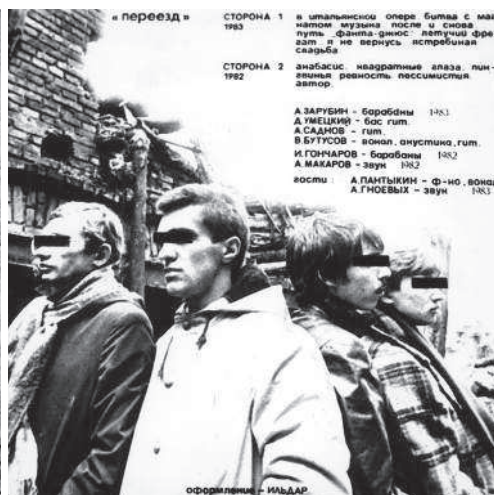
барабанов... А у них трубы горят, им бы записаться быстрее. В результате сделали все недели за две».

Был ли материал «Переезда» заранее отрепетирован — непонятно. У Ильдара складывалось впечатление, что все сочинялось прямо с колес. «Скорее всего, какие-то рыбы были, но, видимо, Слава делился ими только с Сашей, стараясь особо не демонстрировать их никому».

Привыкший к «трековской» дисциплине Полковник, скрипя зубами, молча смотрел, как архитекторы выпивают перед репетицией, а те не могли себе представить, как можно музицировать, предварительно не выпив хотя бы пива. Пантыкин не молчал, он видел свою роль как направляющую и руководящую: «Таких, как Слава, тогда много было. Никто на него не обращал внимания, все его на фиг посылали. Только я помог ему записать альбом». Впрочем, по мнению Зиганшина, роль продюсера лидер «УД» сыграл не блестяще: «Саше было понятно, что "Наутилус" — уже зародившееся существо. А значит, надо поучаствовать в его становлении. Просто отойти в сторону и не мешать Пантыкин не смог. А у Славы не хватило сил попросить Маэстро просто полюбоваться на полет пускай еще неумелых, но уже оперившихся птиц».

«Сашиного продюсерства там не было, — говорит Бутусов. — Он просто пришел на несколько сессий и обогатил весь материал своим пианино, в молоточки которого навтыкали кнопок. В некоторые песни, в записи которых он участвовал, он привнес профессиональ-

Оформление Ильдара Зиганшина

ную аранжировку. Одна "Ястребиная свадьба" чего стоит... У нас были грандиозные амбиции, а других профессионалов, кроме Пантыкина, мы не знали. Мы выбрали Сашу с точки зрения музыкальности, хотя «трековцы» тоже вполне бы могли подойти».

Пантыкин и сам согласен с тем, что результат его руководства вышел не ахти: «В "Переезде" я еще не знал, как работать. Только спустя 10 лет я понял, как должна звучать "Ястребиная свадьба", и сделал ее как надо на альбоме "Отчет". Эта версия на порядок выше того, что Слава горланит, просто произведение искусства».

«Переезд» получился коротеньким, мрачным и невразумительным. К нему в качестве «второй стороны» прилепили песни из прошлогодней записи «Али-Бабы», и первый альбом «Наутилуса» пошел гулять в народ именно в таком виде.

Альбом «Переезд» понравился далеко не всем, особенно тем, кто сравнивал его с хулигански-веселой первой записью. «В "Али-Бабе" было столько задорной бодрости, что можно простить ему некоторую идиотичность. В "Переезде" нет ничего подобного. Он производит впечатление какой-то зажатости, — утверждает Ильдар Зиганшин. — Слава дал мне послушать материал одному из первых, и я пришел в страшное уныние, чем с ним и поделился. Он сослался на общее настроение венгерской поэзии. Для него она в альбоме была красной нитью. При этом сам удовлетворения от результата он не испытывал. Даже звуковая выделка не спасла материал».

Правда, сегодня Бутусов вполне доволен результатами работы 1983 года: «Если учитывать, в каких условиях происходила запись, "Переезд" — просто замечательный альбом. В нем нашла выход наша бурная творческая энергия».

При знакомстве с материалом советских рок-групп начала 1980-х обычно в голову лезут мысли об источниках вдохновения музыкантов, о том, откуда что содрано, или, говоря дипломатичнее, откуда выросли их песни. С «Переездом» — другой случай. В номерах этого альбома хочется найти истоки будущих хитов «Наутилуса Помпилиуса», обнаружить предков «Казановы», «Алена Делона» и «Тутанхамона». Генеалогия выстраивается с большим трудом.

Если рассматривать только собственно «Переезд» (оставляя бонусные дописки 1982 года за бортом), то песни распадаются на две примерно одинаковые кучки: условные рокешники и столь же услов-